

Гу Чжиянь внезапно о чём-то подумал и окончательно проснулся.

Их взгляды встретились.

В глазах Лу Цина пряталась улыбка. В огромных, блестящих глазах словно рассыпались звёзды — ясные и сияющие.

Сердце Гу Чжияня резко сжалось, будто его что-то насквозь пробило. Старательно сохраняя спокойный вид, он тихо спросил:

— Тебе всё ещё плохо?

Лу Цин покачал головой.

— Ты вчера всю ночь не спал?

— Немного поспал, ничего страшного. — Гу Чжиянь поднялся и размял затёкшие руки.

— Я вчера не специально хотел...

— Это я слишком торопился и напугал тебя.

Лу Цин попытался сесть, но тело было слишком слабым: стоило ему подняться, как всё перед глазами закружилось.

Гу Чжиянь мгновенно подхватил его, и на лице проступило беспокойство.

— Голова кружится?

— Есть хочу. — Лу Цин жалобно прижал ладонь к животу. После вчерашней рвоты ему казалось, что он выблевал запас энергии на неделю вперёд. То, что он вообще ещё мог сидеть, наверняка было исключительно заслугой «бессмертной ауры» человека рядом.

Он крепко вцепился в руку Гу Чжияня, щёки слегка покраснели.

— Я просто немного удивился. Я не думал, что ты... что я тебе нравлюсь.

Гу Чжиянь хотел что-то сказать, но остановился. Он уже пять лет держал собственное сердце под замком — почему же вдруг потерял контроль? Ясно ведь, что он сильно напугал Лу Цина.

Он тихо произнёс:

— Мы всё ещё можем быть друзьями? Просто обычными друзьями. Я ни на что больше не рассчитываю.

Лу Цин моргнул и намеренно сменил тему:

— Так есть хочется, голова ужасно кружится.

Гу Чжиянь взял подушку и подложил ему под поясницу.

— Дома есть продукты?

— Кажется, немного лапши осталось.

— Подожди чуть-чуть. Я быстро.

Лу Цин проводил его взглядом и осторожно прижал ладонь к беспокойно колотящемуся сердцу.

Они ведь и так были друзьями.

«Динь-дон» — пришло сообщение.

Цзян Цзыян: «Цинцин, я вчера долго думал. Давай всё-таки прекратим эту игру. Если продолжим, я боюсь, что ты вообще коньки отбросишь».

Лу Цин уставился на этого умника задним числом. Меня уже любят, победа почти в кармане, а ты теперь говоришь прекращать?

Размечтался!

Лу Цин ответил: «Хе-хе. Ты лучше готовь машину».

Цзян Цзыян: «Я сам тебе её куплю, прямо сейчас пойду заказывать. И ты больше не связывайся с Гу Чжиянем».

Лу Цин: «Не пойдёт. Благородный человек наживает богатство честным путём. Подаяние от тебя я не приму. Я должен собственными силами добыть награду за победу».

Цзян Цзыян: «...»

Лу Цин дважды фыркнул. Не думайте, будто я не раскусил вашу уловку. Сейчас они признают поражение, а в конце наверняка отнимут награду под предлогом, что он сам бросил игру на полпути.

Его умную головушку на такой примитивный трюк не поймать.

Цзян Цзыян: «Ты не забыл, что тебе ещё пересдавать? Пять предметов! Откуда у тебя сейчас время играть с Гу Чжиянем?»

Весь пыл Лу Цина мгновенно угас наполовину.

Стоило ему вспомнить свою ведомость, сплошь залитую зелёными отметками, как с трудом подавленная тошнота снова ожила.

Гу Чжиянь только вошёл в комнату с дымящейся лапшой, как перед ним стремительно пронеслась чья-то фигура.

Лу Цин склонился над унитазом. Его желудок уже был совершенно пуст, но сухие позывы всё не прекращались.

Гу Чжиянь придержал его шатающееся тело, нахмурившись ещё сильнее.

— Потерпи. Тебе нельзя больше рвать.

Лу Цин зажал рот чистым полотенцем и слабо покачал головой.

— Плохо.

— Я отнесу тебя обратно в кровать. — Гу Чжиянь снова попытался взять его на руки, как принцессу.

Лу Цин прижал его руку.

— Я здоровый мужик, а так меня таскать слишком по-девчачьи.

— Тогда понесу на спине. — Гу Чжиянь повернулся к нему спиной, явно не собираясь позволять ему идти самому.

Лу Цин взвесил, что позорнее — ехать на спине или на руках, — и в конце концов смирился и лёг ему на плечи.

От лапши поднимался горячий пар, и вскоре аромат заполнил всю комнату.

Только что Лу Цин умирал от голода, но стоило увидеть еду, как его снова физиологически замутило.

Как Гу Чжиянь ни уговаривал, тот отказывался есть, и ему пришлось повысить тон:

— Либо ешь, либо едем в больницу. Выбирай.

Глаза Лу Цина тут же покраснели.

— Ты на меня кричишь.

У Гу Чжияня сердце чуть не растаяло от жалости, и он сразу смягчил голос:

— Тебя слишком сильно рвало. Если ничего не съешь, сахар в крови упадёт.

— Поем — опять вырвет.

— Ты будешь есть понемногу, а я буду массировать тебе живот, чтобы всё спокойно усваивалось. Не вырвет.

Лу Цин попробовал открыть рот. Лапша у Гу Чжияня получилась очень мягкой, вкус — ровно таким, как надо. Если бы Лу Цину не было плохо, обычно он расправился бы с такой миской за пару-тройку глотков.

Гу Чжиянь медленно массировал ему область желудка, внимательно следя за цветом лица. После каждого кусочка он гладил живот четыре-пять минут и только потом разрешал съесть следующий.

Лу Цин ел очень послушно — совсем как кот на его аватарке в WeChat, изнеженный и благородный. Такого обязательно нужно гладить по шерсти: только когда ему станет достаточно приятно, он великодушно съест кусочек корма. А иначе хоть с голоду помрёт — свой драгоценный рот не откроет.

До чего же трудно его растить.

И всё равно невозможно оторваться.

Лу Цин больше не мог съесть ни кусочка и слегка покачал головой.

Гу Чжиянь не решился заставлять его есть больше. Он взял оставшуюся половину миски и одним махом доел всё — и лапшу, и бульон.

Лу Цин аж глаза выпучил.

— Это же мои объедки.

Гу Чжиянь безразлично ответил:

— Нельзя выбрасывать еду.

С этими словами он взял миску и вышел из комнаты.

Лу Цин поплёлся за ним шаг в шаг, словно маленький хвостик.

Гу Чжиянь не мешал ему ходить следом, только переживал, что ослабший после болезни Лу Цин не сможет долго стоять. Поэтому молча подтянул стул и поставил у входа в кухню.

Лу Цин сел и не отрываясь уставился на спину Гу Чжияня, который закатал рукава и принялся мыть кастрюлю и посуду.

Пропорции у Гу Чжияня были слишком хороши. Даже одень его в грубую мешковину — всё равно хотелось бы смотреть ещё и ещё. Более того, возникало желание протянуть руку и потрогать.

Лу Цин покраснел и попытался отвести взгляд, но он был самым настоящим рабом красивых лиц и никак не мог отказаться от удовольствия любоваться этим телом: в одежде — стройным и собранным, без одежды — наверняка рельефным.

— Мне через некоторое время нужно уйти на два часа. Ты один справишься? — спросил Гу Чжиянь, с его рук всё ещё капала вода.

Лу Цин посмотрел ему в глаза.

— Со мной уже всё нормально. Занимайся своими делами, не переживай обо мне.

— Я быстро вернусь. Всего два часа.

Лу Цин поджал губы.

— Ты домой или в университет?

— Сегодня суббота. Мне нужно ненадолго заехать в кафе на улице Чэн.

Лу Цин не понял, что тот имел в виду под «постоять», и с недоумением спросил:

— Постоять зачем?

— Зазывать посетителей, — объяснил Гу Чжиянь проще.

Лу Цин мгновенно распахнул глаза.

— Нельзя.

Этот человек ведь его. Как можно вот так запросто использовать свою красоту, чтобы ублажать чужие глаза?

Гу Чжиянь объяснил:

— Я не выхожу с клиентами, только привлекаю посетителей. За два часа можно заработать двести юаней.

Лу Цину очень хотелось сказать: я дам тебе две тысячи — стой передо мной.

Но, немного успокоившись, он понял, насколько неуместно это прозвучало бы.

Снаружи Гу Чжиянь, возможно, был всего лишь низкооплачиваемым обслуживающим персоналом, но перед Лу Цином они были равны. Нельзя деньгами измерять, кто выше, а кто ниже.

Он хотел дать Гу Чжияню денег, но не таким унижительным способом.

Гу Чжиянь был яркой звездой. Ему полагалось взмыть вверх и встать на вершине, а не вязнуть в трясине и танцевать во тьме.

Он должен быть гордым и уверенным в себе!

— Тогда иди. Я тоже потом вернусь в университет. — Лу Цин вдруг вздохнул.

Гу Чжиянь нахмурился.

— Зачем тебе возвращаться? В твоём состоянии...

— Я завалил пять предметов, надо ходить на дополнительные занятия. Иначе родители меня прибьют.

Гу Чжиянь: «...»

<http://bllate.org/book/21886/2324222>